

Л.Я. Боркин*, С.Н. Литвинчук**

*ЗИН РАН

**ИНЦ РАН

«Большая игра» между Российской и Британской империями в Центральной Азии и полевые натуралисты

«Игра так велика, что сразу можно окинуть взглядом
только небольшую часть её».

Редьярд Киплинг¹

Во второй половине XIX в. Россия стала стремительно расширяться на юг в центральноазиатском направлении. В 1864 г. были взяты крепость Аулие-Ата (с 1936 г. Джамбул), города Туркестан и Чимкент (ныне Казахстан), в 1865 г. – Ташкент и образована Туркестанская область. Через два года учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте под руководством генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана (1818–1882). В 1868 г. протекторатом России становится Бухарский эмират, а в 1873 – Хивинское ханство после взятия города Хива, его столицы. В 1876 г. в состав России включено Кокандское ханство, преобразованное в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства. В 1881 г. в ходе Второй Ахалтекинской экспедиции под руководством генерала М.Д. Скобелева (1843–1882) пало укрепление Геок-Тепе. Была образована Закаспийская область с центром в Ашхабаде. В 1884 г. оазис Мерв, как и Иолотань, стал частью Российской империи. В 1885 г. русские войска захватили район Кушки (Туркмения), ставшей самой южной оконечностью Российской империи и будущего Советского Союза, откуда рукой подать до афганского города Герат. Памирское соглашение 1895 г., а также ратификация правительствами России и Великобритании весной 1896 г. Памирского разграничения закрепили за Россией Памир². В том же году в память окончательного завоевания Средней Азии была отчеканена медаль «За походы в

¹ Киплинг Р. Ким. Наулака. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 2007. С. 163.

² Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965.

Средней Азии в 1853–1895 гг.» с вензелями Николая I, Александра II, Александра III и Николая II³.

В свою очередь Британская империя, начиная с середины XVIII в. (с 1757 г.), всё более расширяла свои колониальные владения на индийском субконтиненте, захватывая одно княжество за другим. В результате образовалась обширная Британская Индия (*The British Raj*), простиравшаяся от Афганистана до Бирмы. Продвижение британцев к северу в сторону Нагорной Азии, состоящей из величественных горных хребтов и плоскогорий Памира – Гиндукуша – Каракорума – Гималаев и Тибета, а России – на юг в том же направлении, неизбежно вело к столкновению геополитических интересов обеих империй. Соперничество империй в Центральной Азии выражалось не только в территориальной экспансии и желании обезопасить свои границы, но и в стремлении увеличить своё политическое и экономическое влияние в регионе, одновременно по возможности ограничивая соперника. Таким образом, борьба за новые рынки также была важным фактором.

«Большая игра»

Долгое геополитическое противостояние Российской и Британской империй в Центральной Азии, наиболее ярко выразившееся в деятельности военных ведомств, включая разведку, получило название «Большая игра» (*The Great Game*). Этот термин впервые предложил британский военный историк сэр Джон Кей (*John Kaye*). Однако он, в свою очередь, использовал выражение британского капитана Артура Конолли (*Arthur Conolly*, 1807–1842), который, служа в Афганистане, верил в свою миссию предотвращать замыслы русских в Средней Азии через манипуляции независимыми мусульманскими вождями, в частности бухарским эмиром. В письме другу Конолли выражал желание активно участвовать в «большой игре, благородной игре», “a great game, a noble game”⁴. По другой

³ Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М., 1998. С. 350.

⁴ Курсив оригинала (см.: Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. N. Y., 2006. P. XXXVII).

версии⁵ кавалерийский офицер Артур Конолли⁶ впервые употребил сочетание «Great Game» в 1835 г. в записках о путешествии в Северную Индию. Однако широкую популярность это сочетание приобрело благодаря знаменитому роману певца Британской империи Редьярда Киплинга (*Rudyard Kipling*, 1865–1936) «Ким» (“*Kim*”), впервые напечатанному в 1901 г.⁷

Известно также другое обозначение для соперничества России и Великобритании в центре Азии. Это – «турнир теней» (*tournament of shadows*), которое приписывают министру иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862). Оно также используется в исторической литературе⁸.

Начало «Большой игры» со стороны России можно связать с первым неудачным военным походом в Индию, организация которого началась ещё в 1714 г., закончившимся в 1717 г. разгромом русских войск вероломными хивинцами⁹. В отряд под

⁵ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 55.

⁶ В отечественной литературе встречается также написание «Каноли» (*Тагеев Б.Л.* Русские над Индией... С. 168. Конолли был казнён в Бухаре в 1842 г.).

⁷ Что характерно, в конце повести описаны два негодяя – русский и француз, которые под видом охотников путешествуют по Западным Гималаям с секретной миссией, жестоко обращаются с ламой и местными жителями и получают по заслугам. «Они русские и самые бессовестные люди» (*Киплинг Р.* Ук. соч. С. 214). В XX в. этот роман оказал большое влияние на многих людей, в том числе из разведывательного сообщества, например, на Аллена Даллеса (*Allen Dulles*, 1893–1969), директора ЦРУ в 1953–1961 гг. После окончания Принстонского университета в 1914 г. он был послан в Индию для преподавания в миссионерском колледже и по пути впервые прочёл «Кима». Эту книгу нашли также на его кровати, когда он умер в 1969 г. Знаменитый советский агент Гарольд Филби (*H.A.R. Philby*, 1912–1988), представитель английской разведки в ЦРУ и друг А. Даллеса, в 6 лет получил от отца прозвище «Ким». Он родился в Британской Индии, где служил его отец, ставший затем известным арабистом (см.: *Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows... С. XXXVIII–XXXIX).

⁸ Напр., *Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows...

⁹ В этом отношении интересно замечание великого князя Николая Константиновича (1850–1918) в записке от 7 мая 1880 г. графу А.В. Адлербергу (1818–1888) о необходимости постройки среднеазиатской железной дороги: «Англичане, со времён Петра, опасаются за судьбу своих драгоценных индийских владений...» (Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 248).

командованием Александра Бековича-Черкасского (?–1717) именными приказами Петра I от 14 февраля 1716 г. был включён поручик Александр Иванович Кожин (1690-е – после 1733) с секретной миссией. Ему вменялось «под образом купчины» попасть «по Амму-Дарье реке в Индею» и «разведывать <...> тайным образом» географические и экономические сведения, а также вручить царскую грамоту «шаху индейскому»¹⁰. Помимо этого, именным указом от 31 марта 1716 г. он получил задание зоологического характера: «Когда будешь в Ост-Индии у магола, купи довольное число птиц больших всяких, а имянно струсов, казеариусов и протчих, также и малых всяких родов, также зверей всяких же родов, а больше малых всяких же родов, и привези с собою бережно»¹¹.

Непосредственно против британцев был направлен несостоявшийся русско-французский поход в Индию, который согласно рескрипту № 2 Павла I от 12 (24) января 1801 г. должен был осуществляться из Оренбурга¹²: «<...> с артиллериею прямо чрез Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведении англичинския по ней лежащая. <...>. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги, всё богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградою».

Конец же «Большой игре» формально был положен 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге подписанием англо-русского соглашения, которое заявило о неприкосновенности Тибета, разделило Персию на три зоны влияния и исключило Афганистан из сферы интересов Российской империи¹³. Это соглашение способствовало созданию блока Великобритании, Франции и России, известного под названием «Тройственное согласие» (Антанта).

Однако на практике оказалась верной известная фраза в романе Киплинга «Ким», гласящая “*When everyone is dead, the Great*

¹⁰ Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965. С. 38–39, 49.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 28.

¹³ Андреев А.И. Тибет в политике...

*Game is finished. Not before*¹⁴. «Большая игра» продолжилась почти сразу после подписания соглашения (секретная миссия Маннергейма в Кашгарию, 1906–1908), после революции 1917 г., в 1930–1940-е годы и особенно в годы «холодной войны», когда она фактически получила второе рождение¹⁵. После распада Советского Союза в конце 1991 г. арена «игры» сдвинулась на территорию постсоветской Средней Азии, где появились новые важные игроки: США, Турция и Китай.

История «Большой игры» в Центральной Азии в XIX в. отражена во многих работах¹⁶. Советские авторы этого термина избегали, хотя он и был им известен¹⁷.

В данной статье мы кратко остановимся на взаимодействии военных офицеров и полевых натуралистов в Центральной Азии.

¹⁴ «← Большая Игра кончится только тогда, когда умрут все. Не раньше» (Киплинг Р. Ук. соч. С. 213).

¹⁵ Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003; Андреев А.И. Тибет в политике...; Мейер К.Е., Брысак С.В. Tournament of Shadows...; Батурич Ю.М. «Военно-учёные» экспедиции в Синьцзян и секретная «дорога жизни» в 1937–1943 гг. // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Тезисы докладов. СПб., 2013. С. 16–17). Любопытно, что в секретной миссии США в Тибет в 1942–1943 гг. активное участие принял американский майор Илья Андреевич Толстой (1903–1970), внук Льва Толстого (см.: Мейер К.Е., Брысак С.В. Tournament of Shadows... С. 531–534, 540–548).

¹⁶ Напр.: Сунаревич А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб., 1906.; Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. М., 1924; Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент, 1957; Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М., 1962.; Русско-индийские отношения в XIX веке...; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2001; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Сост. Т.Н. Загородникова. М., 2005; Андреев А.И. Тибет в политике...; Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб., 2013; Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек, 2006. Мейер К.Е., Брысак С.В. Tournament of Shadows...; Воробьева-Десятовская М.И. Великие открытия русских учёных в Центральной Азии. СПб., 2011.

¹⁷ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 23.

Сами авторы являются профессиональными зоологами, попутно занимающимися историей науки. Нам удалось посетить многие районы Центральной Азии, где проходили как российские, так и иностранные экспедиции XIX и начала XX вв. Это – Монголия (1981, 1982, 2006, 2008), Китай (Синьцзян, Сычуань, 1990), Индия (Западные Гималаи, 2011, 2013), Таджикистан (Памир, 2013), не говоря о многочисленных полевых работах в Казахстане и Кыргызстане в советское и постсоветское время. В ходе этих поездок мы обращали особое внимание на те пункты, где были путешественники прошлого, включая фотосъёмку этих мест.

Военные и натуралисты

Как известно, натуралисты – это исследователи природы (как живой, так и неживой); сам этот термин (naturalist) был очень популярен в XIX столетии. Уже в XVIII в. стали формироваться три главных категории натуралистов: кабинетные, полевые и лабораторные натуралисты. В наше время к ним можно добавить компьютерных натуралистов, которые моделируют природные процессы, используя математические методы. Среди полевых натуралистов, отличительной чертой которых является экспедиционная деятельность, в контексте «Большой игры» полезно выделить две группы. Это – географы, а также более узкие специалисты: биологи (зоологи, ботаники) и геологи. Такое деление, конечно, несколько условно, так как в XIX в. участники экспедиций часто выполняли несколько функций сразу. Например, магистр ботаники Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914) в истории науки известен, прежде всего, как выдающийся географ; он увлекался также энтомологией, собрав огромную коллекцию жуков.

В XIX в. обширные территории Внутренней Азии, включая запад Цинского Китая, оставались практически неизвестными для европейцев, что составляло большую проблему, в том числе в плане проведения возможных военных операций и колонизации территорий. Необходимо было обследовать гигантский, во многом неведомый регион, как в плане военных интересов, так и в отношении природных ресурсов. Последнее требовало участия подготовленных офицеров или непосредственно самих натуралистов. Эта непростая задача решалась как Британией, так и Россией примерно одинаковыми методами.

Во-первых, натуралисты нередко включались в состав разного рода *посольств* и *миссий* дипломатического или военного характера. Например, в русской дипломатической миссии в Бухару в 1820–1821 гг. под руководством А.Ф. Негри, сопровождавшейся большим военным конвоем, участвовали натуралисты Христиан Иванович Пандер (1794–1865), будущий знаменитый эмбриолог и палеонтолог, и Эдуард Александрович Эверсман (1794–1860), зоолог. В состав миссии входили также офицеры Генерального штаба под руководством полковника Е.К. Мейендорфа (1794–1863), которые производили топографическую съёмку и составляли картографическое описание по пути следования из Оренбурга¹⁸. В 1876 г. в Кашгарию была послана дипломатическая миссия во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным (1848–1925), впоследствии ставшим военным министром; в ней принимал участие натуралист Александр Ильич Вилькинс (1845– после 1892)¹⁹. В неудачной Яркендской миссии 1870 г. Дугласа Форсайта (*Thomas Douglas Forsyth*, 1827–1886) были «a bird collector» и «a plant collector», т. е. коллекторы птиц и растений. Членом его 2-й Яркендской миссии 1873–1874 гг. стал геолог, палеонтолог и зоолог Фердинанд Столичка (*Ferdinand Stoliczka*, 1838–1874), умерший от болезни у южного подножья хребта Каракорум на обратном пути в Индию.

Во-вторых, натуралисты привлекались для участия в *пограничных комиссиях* по разграничению спорных территорий. Особенностью такого рода мероприятий был их международный характер. Так, в 1882–1883 гг. А.И. Вилькинс принимал участие в демаркации границы с Китаем в Ферганской и Семиреченской областях²⁰. В качестве примера можно привести также деятельность британского зоолога капитана Альфреда Олкока (*Alfred William Alcock*, 1859–1933) в Памирской разграничительной ко-

¹⁸ Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков. 1818–1862. М., 2006. С. 19–21.

¹⁹ Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 14.

²⁰ Любарский Г.Б. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М., 2009. С. 504.

миссии 1895–1896 гг.²¹ К сожалению, в российской части этой комиссии натуралистов не было. Петербургский зоолог Пётр Владимирович Нестеров (1883–1941) в 1914 г. участвовал в работе международной комиссии по демаркации границы между Оттоманской империей и Персией в Курдистане, ныне граница между Ираком и Ираном²².

В-третьих, натуралистов включали в различного рода *экспедиции*, в том числе и военного характера, в задачи которых входило детальное описание посещаемых регионов, картирование, сбор необходимой информации, а также коллектирование растений, животных, минералов, предметов этнографии и т. д. Такие экспедиции получили название *военно-географических*. Одной из первых в XIX в. можно считать военно-топографическую экспедицию под командованием полковника Генерального штаба Ф.Ф. Берга (1793–1874) на северо-восток Каспийского моря и запад Арала в 1825–1826 гг. с участием в качестве натуралиста Э.А. Эверсмана²³.

Для их подготовки, помимо военных ведомств, использовались и научные организации. В России главную роль играло Императорское Русское географическое общество, созданное в Санкт-Петербурге (1845), среди членов которой офицеры занимали не последнее место. В Великобритании аналогичную роль играло Королевское Географическое общество в Лондоне (*The Royal Geographical Society*, London, 1830). Оба эти общества имели тесные контакты с военными ведомствами своих стран, а кадровые военные из армии и флота принимали активное участие в их деятельности не только на правах многочисленных членов, но и нередко входили в руководство. Такое сращивание, конечно, не было случайным²⁴. В его основе лежали общие интересы государства и

²¹ В отечественной литературе он известен также как «Аллок» (*Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира»... С. 303).

²² Adler K. Herpetologists of the Past, Part 3 // Adler K. (ed.). Contributions to the History of Herpetology. Volume 3. Vancouver, 2012. С. 209.

²³ Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков... С. 21–22.

²⁴ Андреев А.И. Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 30; Басханов М.К. «Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии... С. 16–17.

науки, идеология и взаимно полезное сотрудничество по организации, финансированию и проведению экспедиций. В Британской Индии натуралисты привлекались также из других организаций, например, из Азиатского общества (*The Asiatic Society*, 1784) и Геологической службы Индии (*The Geological Survey of India*, 1851) в Калькутте. В России собранные материалы (экземпляры животных, гербарий), как правило, поступали для обработки в музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербург, где они по большей части хранятся и по сей день в Зоологическом и Ботаническом институтах РАН. Геологические коллекции стараниями А.А. Иностранцева (1843–1919) частично попали в геологический кабинет Императорского Санкт-Петербургского университета. Недавно был опубликован интересный обзор сведений по полевым изысканиям и коллекторской деятельности в ходе российских экспедиций в Центральную Азию²⁵.

Задачи физической географии в ходе научной рекогносцировки проходивших экспедициями территорий решались относительно легко, так как кадровые военные получали в этом отношении хорошую подготовку, обладая соответствующими знаниями и навыками. В начале 1854 г. в Академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге было организовано геодезическое отделение, где готовили специалистов по военной геодезии и географии. В отделении был введён курс физической географии, чтобы «<...> офицеры русского Генерального штаба могли исполнять не одни только военные рекогносцировки, но и участвовать в учёных экспедициях»²⁶. Таким образом, в рамках военного ведомства сформировалась даже специальность военного географа, которая позволяла решать поставленные задачи своими силами и организовывать собственные экспедиции. География преподавалась также в военных училищах и школах²⁷.

²⁵ Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции...

²⁶ Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М., 2002. С. 19.

²⁷ Военную географию её знаток полковник А.Е. Снесарев определял так: «Из общей географии военная берёт или то, что имеет исключительно военный интерес, или берёт данные, имеющие более широкое значение, но выясняет эти данные с точки зрения военных интересов». (*Снесарев А.Е. Военная география России (Часть общая)*. СПб., 1909. С. 5–6).

Одним из первых профессиональных военных географов был Михаил Иванович Венюков (1832–1901), который по заданию Генерального штаба проводил соответствующие исследования на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Полагают, что именно он в 1860-е годы в Варшаве благотворно повлиял на молодого преподавателя юнкерского училища Н.М. Пржевальского²⁸. В 1870-е годы М.И. Венюков одновременно служил в Военно-учёном комитете Генерального штаба и был учёным секретарём Императорского Русского географического общества²⁹.

Задача получения сведений о природе в рекогносцировочных экспедициях оказалась более сложной, в том числе и практически, так как не только требовала определённого набора знаний в различных естественных науках, но и сбора природных объектов для последующей их обработки специалистами на далёкой родине. Однако успех в коллектировании в поле, обработке на месте и хранении собранных материалов в ходе длительных экспедиций был связан с рядом сложностей, в том числе транспортировки, не говоря уже о потраченном времени и необходимом оборудовании. Например, птиц и млекопитающих надо было уметь вовремя отпрепарировать, чтобы полученные тушки и шкуры не пропали и представляли научную ценность, рыб, земноводных и пресмыкающихся законсервировать (заспиртовать), для чего нередко использовали стеклянную посуду. Изготовление коллекций насекомых и гербария требовало некоторых навыков и времени, которое также уходило на написание этикеток. Тот, кто бывал в экспедициях, понимает, что это не всегда делается легко, особенно когда после тяжёлого дня наваливается усталость. В России и Великобритании проблема сбора материалов в ходе экспедиций XIX – начала XX вв. решалась несколькими способами.

1. *Кадровые офицеры* попутно сами или чаще с помощью низших чинов собирали материалы натуралистического характера, в частности по зоологии и ботанике. Например, сборы по зоологии, по-

²⁸ Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М., 2002. С. 36. Их общее фото С. 35.

²⁹ Там же. С. 60.

лученные в экспедициях Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926) по Памиру, Гиндукушу и Кашгарии в 1888–1889 гг., принесли несколько новых, ранее неизвестных науке видов ящериц. Он собирал также растения. По части геологии консультировался у известного специалиста по геологии Туркестана И.В. Мушкетова, что пригодилось в поисках залежей нефрита и свинца³⁰. Ученик Н.М. Пржевальского, Всеволод Иванович Роборовский (1856–1909) занимался преимущественно сбором растений, хотя не пропускал и животных. Неплохой рисовальщик, он оставил серию рисунков животных, встреченных в ходе экспедиций; некоторые из них опубликованы. Офицер Генерального штаба Василий Фёдорович Новицкий (1869–1929) в ходе путешествия из Пенджаба (ныне Пакистан) через Кашмир, Ладак, Каракорум, Кашгарию и Памир в Фергану собирал жуков (по просьбе П.П. Семёнова), гербарий и горные породы, а также отмечал птиц по маршруту. По всей видимости, этот молодой офицер был достаточно подготовлен к такого рода деятельности. Так, он хорошо знал птиц и для многих пунктов привёл их список с латинскими названиями³¹.

2. *Офицеры-натуралисты.* К этой категории следует отнести военных офицеров, которые серьёзно увлекались изучением дикой природы и фактически сами становились натуралистами высокого уровня. В этом отношении наиболее ярко себя проявил Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), чьи экспедиции по Центральной Азии вошли в пантеон славы российской науки и истории. Сам Н.М. Пржевальский, страстный охотник, со временем превратился в неплохого зоолога-любителя с особым интересом к птицам и крупным млекопитающим. По его словам, зоологические интересы шли у него сразу после главных географических задач³². Поэтому не случайно этот великий путешественник имел обширные связи с известными российскими

³⁰ Андреев А.И. Геологические и палеонтологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 273.

³¹ Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершённого в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1903. Т. 38. № 1.

³² Андреев А.И. Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 28.

зоологами, в частности в Зоологическом музее Императорской Академии наук, куда были переданы его ценнейшие сборы³³. К офицерам-натуралистам относился и Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935), который, помимо общих зоологических наблюдений и коллектирования, сам интересовался птицами, следуя и в этом своему незабвенному учителю Пржевальскому, который научил его определять и препарировать птиц. Вернувшись из 2-й Тибетской экспедиции Пржевальского, П.К. Козлов в течение трёх лет изучал зоологию под руководством Е.А. Бихнера (1861–1913), куратора Зоологического музея Императорской Академии наук³⁴. Более ранним коллектором был Григорий Силыч Карелин (1801–1872), выполнивший ряд секретных миссий в Персию и на восточное побережье Каспия. Среди британских офицеров-натуралистов можно назвать уже упоминавшегося А.У. Олкока, который, впрочем, скорее был профессиональным зоологом. Другой кадровый офицер Британской Индии Ричард Беддом (*Richard Henri Beddome*, 1830–1911), дослужившийся до полковника (1879), был также известным ботаником и зоологом, описавшим около тысячи новых видов растений и животных.

3. В особую категорию следует выделить профессиональных натуралистов, поступивших на военную службу. Среди них в России наиболее известен зоолог Николай Алексеевич Северцов (1827–1885), биография которого кратко будет рассмотрена в отдельной статье.

4. Наконец, ещё одну категорию составляли *штатские натуралисты*. Это, например, энтомолог Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936), выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, исследователь Памира и Западного Китая в 1884–1890 гг. Как намекали, его интерес к Памиру был обусловлен не одной только энтомологией³⁵. В Британской Индии многие натуралисты, связанные с Азиатским музеем

³³ См., напр.: Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 158–187.

³⁴ См., напр.: Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 177, 192–193, 213.

³⁵ Ефремов Ю.К. Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936) // Отечественные физико-географы и путешественники / Ред. Н.Н. Баранский, Н.Е. Дик, Ю.К. Ефремов, А.И. Соловьев, Н.А. Солнцев. М., 1959. С. 410.

и особенно с Геологической службой Индии, участвовали в разного рода миссиях, пограничных комиссиях и т. д. Наиболее известны среди них Ф. Столичка (см. выше) и его близкий коллега Уильям Томас Бланфорд (*William Thomas Blanford*, 1832–1905).

Экспедиции строились по военному принципу³⁶, что было вызвано не только непростыми поставленными задачами и реальными сложностями походной жизни и работы, но часто и враждебным отношением местного населения. Так, по воспоминаниям зоолога С.Я. Парамонова, использовавшего псевдоним «Сергей Лесной»³⁷, П.К. Козлов был сторонником железной дисциплины во время экспедиций, так как только абсолютное единство небольшой горсточки людей, долгое время в тяжёлых физических условиях находившихся среди необозримых пустынь, могло обеспечить успех путешествия. Ему было даже дано право расстрелять любого члена экспедиции, оказавшего неповиновение.

Поэтому не удивительно, что во главе центральноазиатских экспедиций, как правило, стояли военные офицеры (Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Б.Л. Громбчевский, Г.Н. Потанин, Ю.А. Сосновский). Пожалуй, исключение составили ботаник П.П. Семёнов (с 1906 г. Тянь-Шанский), исследовавший в 1856–1857 гг. Тянь-Шань, зоолог Алексей Павлович Федченко (1844–1873), изучавший с женой в 1869–1871 гг. Туркестан, включая Памир, а также зоолог Н.А. Северцов и энтомолог Г.Е. Грумм-Гржимайло. Однако Н.А. Северцов находился на военной службе. Г.Е. Грумм-Гржимайло в 1885 г. обследовал горную Бухару в сопровождении корпуса военных топографов штабс-капитана Родионова и конвойных казаков³⁸. С 1887 г. он путешествовал вместе со своим братом военным

³⁶ *Басханов М.К.* «Не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии... СПб., 2013. С. 17.

³⁷ *Лесной С.* «Академик-путешественник» П.К. Козлов (из личных воспоминаний) // Природа. 1993. № 4. С. 124.

³⁸ [*Грум-Гржимайло Г.Е.*]. Путешествие члена сотрудника Г.Е. Грумм-Гржимайло в Припамирские страны // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. Вып. 6. С. 580.

топографом Михаилом Ефимовичем Грумм-Гржимайло (1861–1922).

Натуралисты нередко выполняли также функцию врачей. Так, Э.А. Эверсман был включён в состав миссии в Бухару в 1820–1821 гг. именно врачом, поскольку место натуралиста уже было занято Х.И. Пандером. Сочетание занятий врача и натуралиста не было редкостью для британцев. Таким был, например, Джон Андерсон (*John Anderson*, 1833–1900), известный зоолог и куратор Индийского музея в Калькутте (1865). В Великобритании даже существовала должность «surgeon-naturalist», т. е. врач-натуралист³⁹, введённая во флоте. В 1888 г. её получил А.У. Оллок, поступивший на службу в Индийское морское управление (*Indian Marine Survey*). Врач и офицер Индийской медицинской службы Фрэнк Уолл (*Frank Wall*, 1868–1950) изучал змей в Британской Индии и Китае. Капитан Френсис Стюарт (*Francis Hugh Stewart*), связанный с этой же службой, в 1907 г. был в Тибете, где собирал животных⁴⁰.

Собственно натуралисты стали включаться в дипломатические миссии и военно-географические экспедиции уже в начале XIX в. (посольство А.Ф. Негри, военно-топографическая экспедиция Ф.Ф. Берга). В центральноазиатские экспедиции последней трети того столетия (эпоха Н.М. Пржевальского) они стали привлекаться лишь в 1880-е годы. Любопытно, что в экспедициях самого Н.М. Пржевальского и В.И. Роборовского профессиональных натуралистов не было, а их функции выполняли военные офицеры.

По-видимому, первым, кто включил натуралистов в свой отряд, был Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). Начиная с экспедиции 1876–1877 гг. по северо-западу Монголии, с ним сотрудничал зоолог-орнитолог Михаил Михайлович Березовский (1843–1911), первоначально студент, который принял участие в трёх его путешествиях. Расходы М.М. Березовского в двух ки-

³⁹ Буквально «surgeon» переводится как *хирург*, но это слово обозначает также военного или военно-морского врача, офицера медицинской службы. Можно напомнить, что молодой натуралист Чарлз Дарвин в кругосветном плавании на «Бигле» также занимал должность врача.

⁴⁰ *Zhao E., Adler K.* Herpetology of China... С. 30.

тайских экспедициях Г.Н. Потанина (1883–1887 и 1891–1894) оплачивали сибирские купцы-меценаты⁴¹. Любопытно, что в состав 2-й Китайской экспедиции Г.Н. Потанина входили сразу два профессиональных натуралиста: помимо М.М. Березовского, геолог В.А. Обручев.

В Тибетской экспедиции Михаила Васильевича Певцова 1889–1890 гг., заменившего Пржевальского после его неожиданной смерти, участвовал молодой геолог Карл Иванович Богданович (1864–1947), рекомендованный Иваном Васильевичем Мушкетовым (1850–1902). В 1914–1917 гг. К.И. Богданович был директором Геологического комитета России (ныне ВСЕГЕИ). Другой геолог, Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956), также рекомендованный И.В. Мушкетовым, попал в 4-ю Китайско-Тибетскую (Сычуаньскую) экспедицию Г.Н. Потанина 1892–1893 гг., в которой работал фактически самостоятельно. В 1905–1909 гг. В.А. Обручев сам совершил три экспедиционные поездки в Джунгарию. В советское время он стал известным академиком, а широкую популярность получил как автор книг «Плутония» (1924) и «Земля Санникова» (1926). Наконец, третий геолог Александр Александрович Чернов (1877–1963) работал в Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова в 1907–1909 гг. Он также стал известным геологом, Героем Социалистического Труда (1957). Иначе говоря, многие участники экспедиций в Центральную Азию сделали потом неплохую карьеру.

Таким образом, вовлечённость натуралистов в экспедиции началась с зоологов. Поэтому не удивительно, что они первоначально выполняли значительно более широкие функции, в том числе производя наблюдения и сборы по геологии. Следует заметить, что геологические выводы зоологов Н.А. Северцова и Г.Е. Грумм-Гржимайло подвергались критике со стороны про-

⁴¹ В общей сложности М.М. Березовский участвовал в 14 экспедициях, сначала как приглашённый натуралист. В 1902–1908 сам руководил экспедициями в Китай и Центральную Азию, занимаясь географией и этнографией. Собранные им в Китае коллекции птиц сначала были отправлены в Иркутск, но в советское время «в целях обеспечения лучшей сохранности и большей доступности для научных исследований» были переданы в Зоологический музей Московского университета. Часть его сборов попала в Британский музей.

фессиональных геологов И.В. Мушкетова, К.И. Богдановича и В.А. Обручева. Среди британцев геологом и зоологом был упоминавшийся выше У.Т. Бланфорд, вклад которого в обе эти науки получил заслуженное признание.

Насколько нам известно, в XIX в. профессиональные ботаники не участвовали в военно-географических экспедициях в Центральную Азию, если не считать так называемой Учёной экспедиции Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1878 г.⁴² Она была снаряжена туркестанским генерал-губернатором К.П. фон-Кауфманом для изучения Каратегина и западной части Памира. В составе экспедиции были ботаник М.И. Невский и военный топограф штабс-капитан Г.Е. Родионов, а руководил ею энтомолог Василий Фёдорович Ошанин (1844–1917), отвечавший за зоологические сборы. Не мешает также указать на самостоятельные путешествия ряда известных ботаников. Альберт Эдуардович Регель (1845–1909) в 1877 г. обследовал Кульджу и был первым из российских исследователей посетил княжество Шугнан на Памире (1883). В 1897 г. академик Сергей Иванович Коржинский (1861–1900) возглавил экспедицию Императорского Русского географического общества на Памир для обследования Рушана и Шугнана, участником которой был молодой офицер Александр Николаевич Казнаков (1871–1933), впоследствии сотрудничавший с П.К. Козловым. В 1896–1899 гг. Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) был послан Императорским Русским географическим обществом вместе с капитаном Львом Семёновичем Барщевским (1849–1910) в бухарские владения, откуда они привезли богатые коллекции. Липский изучал также хребты Памиро-Алайской группы, образующие горную часть Бухары. Наконец, ботаник и географ Василий Васильевич Сапожников (1861–1924) прославился своими исследованиями Алтая (1895–1899, 1905–1909) и Семиречья (1902–1904, 1912–1915).

В завершение приведём высказывание В.Ф. Ошанина, который дал своё объяснение успехам российской науки в Туркестане в XIX веке:

⁴² *Ошанин В.Ф.* Каратегин и Дарваз // Известия ИРГО. 1881. Т. 17. Вып. 1.

«В Туркестане каждое движение наших войск вперёд, каждое новое территориальное приобретение сопровождается мирными победами и завоеваниями в области науки. Война является в Средней Азии могущественною союзницею науки. Многие местности в непосредственном нашем соседстве были совершенно недоступны для учёных исследований отдельных лиц, и изучение их стало возможным только под прикрытием русских штыков».

Литература

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ; Изд-во А.А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Андреев А.И. Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 10–55.

Андреев А.И. Геологические и палеонтологические коллекции // Там же. С. 265–288.

Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Там же. С. 157–233.

Басханов М.К. «Не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция 15–17 октября 2013 г. Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 16–17.

Батурич Ю.М. «Военно-учёные» экспедиции в Сынцзян и секретная «дорога жизни» в 1937–1943 гг. // Там же. С. 18–19.

«Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005. 319 с.

Воробьёва-Десятовская М.И. Великие открытия русских учёных в Центральной Азии. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. 247 с.

[*Грум-Гржимайло Г.Е.*] Путешествие члена сотрудника Г.Е. Грум-Гржимайло в Припамирские страны // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. Вып. 6. С. 579–582.

Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М.: Наука, 2004. 242 с.

Ефремов Ю.К. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936) // Отечественные физико-географы и путешественники / Ред. Н.Н. Баранский, Н.Е. Дик, Ю.К. Ефремов, А.И. Соловьёв, Н.А. Солнцев. М.: Учпедгиз, 1959. С. 408–418.

Киплинг Р. Ким. Наулака. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2007. 479 с.

Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 160 с.

Лесной С. «Академик-путешественник» П.К. Козлов (из личных воспоминаний) // Природа. 1993. № 4. С. 122–128.

Любарский Г.Б. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М.: КМК, 2009. 744 с.

Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков. 1818–1862. М.: Наука, 2006. 200 с.

Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершённого в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан // Записки ИРГО по общей географии. СПб. 1903. Т. 38. № 1. С. I–III + I–IV + I–II + 1–297, 2 карты, 18 фототипий.

Ошанин В.[Ф.] Краткий обзор деятельности Туркестанского Отдела с 1876 по 1879 год // Записки Туркестанского отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ташкент. 1879. Т. 1. Вып. 1. С. 1–7.

Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз // Известия ИРГО. 1881. Т. 17. Вып. 1. С. 21–58.

Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Сынцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 526 с.

Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (Монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 415 с.

Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013. 331 с.

Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. М.: Красная новь, 1924. 180 с.

Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. Составители Р.В. Овчинников и М.А. Сидоров. М.: Главная редакция восточной литературы, 1965. 656 с.

Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов / Сост. А.А. Вигасин, В.Г. Воловников, Т.Н. Загородникова, М.Т. Кожекина, Л.В. Митрохин, А.В. Райков, М.Р. Рыженков, Н.И. Скворцова и Н.К. Чарьева. Отв. ред. П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.

Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб: типография А.С. Суворина, 1906. VI+175 с.

Снесарев А.Е. Военная география России. (Часть общая). СПб.: издание автора, 1909. [4]+88 с.

Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // *Майер А.А., Тагеев Б.Л.* Полуденные экспедиции. Очерки. М.: Военное издательство, 1998. С. 163–350 (*перепечатка издания 1900 г.*).

Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент: изд-во САГУ, 1957. 251 с. – Труды САГУ. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 24.

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. д. ист. н.. М.: МГПИИ им. В.И. Ленина, 1962. 42 с.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.

Adler K. Herpetologists of the Past, Part 3 // Adler K. (ed.). Contributions to the History of Herpetology. Volume 3. Vancouver: Society for the Study of Amphibians and Reptiles, 2012. P. 9–386 (Contributions to Herpetology, No. 29).

Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. XL+648 p. (2ed revised ed., 1st ed. 1999).

Zhao E., Adler K. Herpetology of China. Oxford (Ohio, USA): Society for the Study of Amphibians and Reptiles in cooperation with Chinese Society for the Study of Amphibians and Reptiles, 1993. 522 p., 48 color plates (Contributions to Herpetology. No. 10).

“The Great Game” between Russian and British Empires
in Central Asia and Field Naturalists

L.J. Borkin*, S.N. Litvinchuk**

*Zoological Institute, RAS, **Institute of Cytology, RAS

The article analyzes relations between military officers and field naturalists of Russian and British Empires engaged in exploring Central Asia in the 19th century. Naturalists participated in diplomatic missions, international boundary commissions, and military-geographic expeditions (“scientific trips” arranged by military departments with geographical societies and other scientific organizations). We recognize four modes of collecting of natural object during various field trips (expeditions): 1) by military officers as their side-line activities, 2) by military officers who were amateur naturalists, 3) by naturalists at military service, and 4) by professional naturalists invited from universities or learned societies. In many cases, naturalists combined their scientific field activities with medical service (e.g., surgeon-naturalists in British Empire). Military explorers also carried out geographical research. Since 1854, so-called military geographers were trained in St. Petersburg. Zoologists were the first professional naturalists who were invited to participate in Russian military-geographic expeditions in Central Asia where they conducted botanical and geological explorations. Later, geologists became participants of such expeditions. Although the majority of military-geographic expeditions were led by military officers, sometimes they were supervised by naturalists (zoologists and botanists).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**Российское изучение
Центральной Азии:
исторические и современные аспекты
(к 150-летию П.К. Козлова)**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Science and Technology
named after S.I. Vavilov
Saint-Petersburg Branch

RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

**The Russian Exploration
of Central Asia in Historical Perspective
and its Contemporary Aspects
(In commemoration of the 150th anniversary
of Petr K. Kozlov)**

Санкт-Петербург
2014

Saint-Petersburg
2014